

УДК 94(3)

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.3>

С. С. Казаров

ДОДОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Додонское святилище с оракулом бога Зевса, находившееся на северной окраине эллинского мира, по праву считалось древнейшим в Древней Греции. Основным объемом сведений, посвященных Додонскому оракулу, связан с мифологической традицией. Первые сведения о святилище в Додоне мы находим в произведениях Гомера. Наиболее обширные пассажи, посвященные основанию Додонского оракула, содержатся у Геродота, который, однако, пытается дать им рациональное толкование. Додона появляется также в мифологических сюжетах произведениях таких греческих трагиков, как Эврипид и Софокл. Мифы о Додоне нашли свое отражение не только у греческих, но и у римских авторов, в частности, у Вергилия. В целом мы наблюдаем такое явление, когда количество мифологических сюжетов и содержащийся в них объем материала намного превосходит тот, который по своей сути, является историческим и в своей достоверности не вызывает никаких сомнений. Генеалогия молосских царей восходит к

легендарным греческим героям – Ахиллу и Неоптолему, а их религиозный центр, оракул Додоны, являлся поистине общегреческим святилищем. Эллинское происхождение царского дома Эакидов опиралось на героическую генеалогию, служа доказательством общности крови и родства с греческим миром, и, следовательно, «доказательством» их греческого происхождения. Но эта героическая генеалогия не была создана молосским царствующим домом, который всего лишь приспособил её под себя в V в. до н.э., хотя она существовала задолго до этого, начиная с Гомеровского периода.

Ключевые слова: Додона, мифология, Зевс, святилище, Эпир, прорицание.

Для цитирования: Казаров С. С. Додонская мифология // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 194–198. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.3

Sarkis S. Kazarov

MYTHOLOGY OF DODONA

The sanctuary of Dodona with the oracle of the god Zeus, located on the northern outskirts of the Hellenic world, was rightfully considered the oldest in Ancient Greece. The bulk of the information on the Dodona oracle is associated with the mythological tradition. We find the first information about the sanctuary in Dodona in the works of Homer. The most extensive passages devoted to the foundation of the Dodona oracle are contained in Herodotus, who, however, tries to give them a rational interpretation. Dodona also appears in the mythological plots of the works of such Greek tragedians as Euripides and Sophocles. The myths about Dodona were reflected not only in Greek, but also in Roman authors, in particular, in Virgil. Here we observe such a phenomenon when the number of mythological plots and the volume of material contained in them far exceeds that which, in its essence, is historical and there is no doubt about its authenticity.

Додонский оракул, находившийся на окраине греческого мира, вследствие своей труднодоступности и удаленности от центров эллинской культуры, в сознании эллинов всегда воспринимался как святилище древнее и загадочное. Сама по себе природа и топография Древнего Эпира создавала видимость загадочности и причудливости, служа естественной средой для рождения и функционирования здесь различных мифов и легенд. Реальные сведения о нем с древних времен обрастали разного рода мифами и легендами и на каком-то определенном этапе объем мифоло-

The genealogy of the Molossian kings goes back to the legendary Greek heroes - Achilles and Neoptolemus, and their religious center, the oracle of Dodona, was a truly common Greek sanctuary. The Hellenic origin of the royal house of the Aeacids was based on heroic genealogy, serving as proof of common blood and kinship with the Greek world, and therefore served as «proof» of their Greek origin. But this heroic genealogy was not created by the Molossian royal house, which only adapted it for itself in the 5th century BC, and it existed long before that, starting from the Homeric period.

Key words: Dodona, mythology, Zeus, sanctuary, Epirus, divination.

For citation: Kazarov S. S. Mythology of Dodona // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 194–198. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.3

гической традиции возрос настолько, что заслонил собой просочившиеся сквозь сплошную пелену этих мифов реальные исторические события.

Создание собственной локальной мифологии современные исследователи обычно связывают со стремлением местной элиты к легитимации своей власти путем создания легендарной генеалогии. Однако здесь мы наблюдаем совершенно иную картину: мифологическая традиция возникла гораздо раньше, чем молосский царствующий дом ощутил необходимость в создании легендарной генеалогии.

Первые сведения подобного характера мы находим в известных поэмах Гомера «Илиаде» и «Одиссее» (VIII в. до н.э.). В литературной традиции оракул имел сильную связь с известными мифическими героями, такими как Ахилл, Неоптолем, Одиссей и другими выдающимися деятелями т. н. *postoi* – рассказы о возвращении героев Троянской войны [5, p.30]

Легендарный герой Ахилл, который прибыл к оракулу, чтобы спросить его об участии своего близкого друга Патрокла в предстоящей схватке с троянским героем Гектором, возносит мольбу в адрес «Зевса Пеласгийского Додонского», владыки «холодной Додоны», который живет «далеко» и вокруг него обитают его пророки селлы, которые ног не моют и спят на голой земле (Hom. II. XVI. 233–235). В «Одиссее» содержится рассказ о том, что царь Итаки прибыл в Додону, чтобы узнать у дуба Зевса, как лучше ему вернуться на родину, инкогнито или открыто (Hom. Od. XIV. 327–330). Территория Феспотии, на которой в то время находилась Додона и которая располагалась на побережье Эпира, пролегла к северу от группы островов, среди которых находилась Итака – родина Одиссея. На основании данного пассажа Гомера английский исследователь В. Гваткин делает два вывода: во-первых, уже в древние времена Додонское святилище было известно, до него герой мог спокойно добраться; и во-вторых, ответ, полученный Одиссеем от оракула, был духе тех ответов, которые получали просители и в более поздние времена [4, p.99]. Читатель не узнает ответ оракула, но, судя по дальнейшему развитию событий, видимо, Одиссею было рекомендовано раньше времени не открываться, что и было им выполнено. По сути, это самое первое упоминание о Додоне. Эпос Гомера наряду с поздними вставками в оригинал текста, в целом создал вид обстоятельного синтеза историй из предшествующей устной традиции, которая фокусировалась, главным образом, на событиях Троянской войны. Упомянутые пассажи, вероятно, отражали мифы и события Позднего Бронзового или скорее всего – раннего Железного века [6, p.23].

Некоторые исследователи, рассматривая эпирский мифологический цикл, приводят фрагмент из недошедшего до нас произведения Гесиода «Эои», в котором речь идет о богатом растительностью и обильными стадами скота крае под названием Геллопия, у границ которой находилась Додона и в котором располагалось пользующееся авторитетом у людей прорицательство Зевса, где вопрошающие получают ответы «при благостном птичьим полете» (Hes. Fragm.240). Но насколько мифологичен данный пассаж? Вопрос достаточно спорный, ибо содержащиеся в нем сведения, на наш взгляд, историчны и подтверждаются сведениями из других источников.

Геродот, повествуя об основании Додонского оракула, приводит следующую легенду. В далекие времена две женщины, жрицы из Фив, были увезены финикийцами и проданы в рабство – одна в Ливию, другая в Грецию. Именно эти женщины и стали основательницами первых оракулов в этих странах (Herod. II. 54). Этот рассказ, скорее всего, Геродот услышал в Навкратисе, после чего попытался найти ему подтверждение в версии, высказанной додонскими жрецами. Рассказ, который «отец истории» услышал уже от додонских жрецов, гласил о том, что из египетских Фив вылетели две голубки, которые отправились по тому же маршруту: одна в Ливию, другая – в Додону. Та, которая прибыла в Додону, села на дуб и человеческим голосом повелела именно на этом месте основать святилище.

Прежде всего, необходимо объяснить введение в мифологическую канву сюжета Древнего Египта, откуда прилетели голубицы. Здесь мы должны согласиться с мнением ряда исследователей о том, что эта страна в сознании древних греков представлялась колыбелью древней цивилизации и религии [7, p.87; 3, p. 9].

Мифологический характер данного сюжета не вызывает сомнений: голубки, говорившие человеческим языком, к тому же прилетевшие в Додону из далекого Египта – все это не может не вызвать нашего скепсиса. Однако здесь Геродот использует метод, который Ю. В. Андреев называет «рациональным толкованием мифа» [1, с.13–14]. Сам Геродот не отрицает факт похищения финикийцами жриц из Египта и прибытия одной из них в Додону, однако даже эта попытка дать рациональное объяснение не может не вызвать нашего скепсиса: рабыня-чужеземка, выучившая греческий язык, основывает святилище Зевса (Herod. II. 56). Мифу о голубках-пелиадах Геродот тоже пытается дать свое толкование: справедливо подвергая сомнению факт того, что голубка могла говорить человеческим языком, он разговор на чужом языке ассоциирует с птичьим щелканьем. И черной масти голубки он тоже дает свое объяснение: она темная потому, что была египтянкой (Herod. II.57).

Таким образом, переплетение сугубо мифологических сюжетов с отголосками реальных исторических событий в достаточном количестве мы находим у Геродота в его рассказе об основании Додонского оракула.

Мифологический характер данного сюжета не вызывает сомнений. Сам Геродот голубками называет женщин-жриц, при этом не отрицая факта похищения финикийцами жриц из Египта и прибытия одной из них в Додону. Однако даже эта попытка дать рациональное объяснение не может не вызвать нашего скепсиса: рабыня-чужеземка, выучившая греческий язык, основывает святилище Зевса (Herod. II. 56). Примечательно, что

версия Геродота об основании Додонского оракула, несмотря на свою мифологичность, просуществовала до конца античности [3, p.9]. Не имея иных нарративных источников относительно основания Додонского оракула, современные авторы вынуждены, хотя и с некоторыми оговорками, следовать версии, представленной Геродотом. Еще дальше в этом отношении идет М. Ригольозо, которая утверждает, что из-за того, что в Додоне пророчицы были названы пелиадами (т.е. «голубками»), приводимые Геродотом легенды могут быть вполне совместимы, таким образом, выражая этим легендам свое полное доверие [8, p.139].

Территория Эпира и Додоны была включена античными авторами в «зону» мифологии также благодаря своим климатическим условиям – частым дождям. Этот миф, как можно догадаться, был связан с традицией о великом потопе. О Девкалионовом потопе кратко упоминает Аристотель в своей «Метеорологии». Он пишет, что так называемый Девкалионовый потоп «...происходил преимущественно в Элладе, причем в древних ее землях, т.е. в округе Додоны и реки Ахелоя, которая часто меняла свое русло. Там жили селлы» (Arist. Meteor. XIV. 58).

В несколько ином ключе об основании святилища в Додоне рассказывает Плутарх в биографии Пирра. Его главная цель именно та, о которой мы упомянули в начале статьи, и которая обычно возникает при создании легендарной родословной. Плутарх повествует о Фазтонтe, который вместе с Пеласгом прибыл в Эпир и стал основателем царской династии, но попутно приводит и другую версию: именно Девкалион и Пирра, поселившись среди молоссов, основали святилище в Додоне (Plut. Pyrrh.1). Здесь мы наблюдаем очевидную связь мифа (а в том, что это миф, едва ли у кого-то могут возникнуть сомнения) с природными особенностями региона: частыми дождями и ливнями, которые время от времени затапливали близлежащие местности. Едва ли у кого-то возникнет сомнение относительно мифологического характера представленных в поэмах сюжетах.

Аполлоний Родосский (III в. до н.э.) в своей поэме «Аргонавтика» повествует о том, что богиня Афина из оракульного дуба из Додоны изготовила нос отправившегося за золотым руном корабля «Арго» (Apoll. I.19.16). Аргонавтам во время их рискованного путешествия надлежало следовать тем советам, которые дерево говорящего дуба передавало человеческим языком, озвучивая таким образом волю Зевса [2, p. 58].

Исследование додонской мифологии будет неполным, если мы хотя бы кратко не рассмотрим соответствующие сюжеты на греческой (точнее – афинской) сцене. В этом отношении любопытна трагедия «Прометей прикованный», которая упоминает оракул Зевса в Додоне. Именно отсюда началось странствование Ио, девушки с рожками

телки, которая с целью избавления от них, странствует из области в область, преследуемая оводом, посланным супругой Зевса ревнивой Герой. В заключительной сцене Ио пребывает на Кавказ, где она находит прикованного к скале Прометея и рассказывает ему свою историю. Она поведала герою, что, когда она была ещё девушкой, которую по ночам в снах посещал всемогущий Зевс. Когда она поведала об этих снах своему отцу, тот отправил гонцов и в Дельфы, и в Додону, но они нигде не получили вразумительного ответа. Однако затем голос Аполлона Пифийского повелел отцу Ио отправить её из дома в путешествие по миру без указания конкретных мест посещения. Но с этого момента в игру вступает оракул из Додоны. Именно Додона стала первым пунктом, который посетила Ио и именно здесь она получила предсказание, что станет невестой Зевса. Здесь ей было предсказано, что она родит от Зевса сына Эпафа, который станет основателем целой династии. Таким образом, Ио, в конечном итоге, в результате неустанных странствий, находит свои корни, свой дом, свой стабильный статус. Здесь, на нашему мнению, прослеживается связь Додонского Зевса с его потенциальной невестой.

В трагедии «Трахинянки» вовлеченным в додонскую мифологию оказался уже главный герой греческих мифов – Геракл. Он совершил немало путешествий и трудов, чтобы выполнить предписания Дельф для очищения от «скверны» – непредумышленного убийства, которое он совершил в прошлом. Но какова же роль Додоны во всех этих событиях? Жена Геракла Деянира и лишившийся разума его сын Гилл, получают предсказание от Зевса, обитавшего на священном дубе, посредством шелеста листьев, которое по своей сути является весьма двусмысленным. Но после окончания странствий Геракл обретает душевный покой у домашнего очага. Одержимый идеей продолжения своего рода, он требует от Гилла жениться на Иоле, чтобы обеспечить их общее семейное единство. И все эти благородные порывы, направленные на укрепление родовых уз, исходят от самого Додонского Зевса. Затем по сюжету следует смерть Геракла с последующим вознесением его на небеса, где он уже присоединяется к своей реальной семье. И ещё одно наблюдение, на которое хотелось бы указать: несмотря на смерть Геракла, предначертание Додонского оракула исполнено: после опасного и длительного путешествия он успешно возвратился домой. Только после длительной череды подвигов, которую требовали боги, Геракл достигает своей героической и полу-божественной природы.

Когда Орест появляется на сцене (речь идет об известном произведении «Андромаха»), он приведен в смятение интригами, обманом и предательством. Он объявляет о намерении отправиться в

Додону, но при этом не объясняет свои мотивы. Во время путешествия он посетил неизведанные земли, исходил различные дороги мира. В своей речи он высказывает пожелание получить новости о своей кузине Гермione. Выходящий на сцену Додонский Зевс стремится помочь ему в преодолении всех трудностей, но здесь происходит неожиданное изменение порядка вещей: Орест не стал продолжать свое путешествие в Додону, он остановился у Пифии и здесь замыслил разрушение священных связей: чтобы жениться на Гермione, он убивает её законного мужа Неоптолема, который до этого события не появлялся на сцене, ибо находился у Аполлона Дельфийского, где искал у бога совета, как искупить свою вину за убийство Ахилла.

Додонский оракул фигурирует и в трагедии Эврипида «Финикиянки», сюжет которой тоже позаимствован из греческой мифологии. Пророк бога Аполлона по имени Терезий, предостерегает Креонта: его сын Менекей по велению «Солнцеликого» бога должен непременно очиститься от скверны посредством искупительного путешествия (а, по сути изгнания), которое должно завершиться смертью героя. С таким жестким вариантом искупления мы встречаемся впервые, и что характерно: исходит оно от Аполлона Дельфийского. Креонт, получив такое жестокое указание от Терезия, не может и не желает его исполнить. Он вызывает своего сына Менекея и велит ему немедленно покинуть Дельфы. Последний, пройдя практически всю Грецию, оказывается в Феспротии, где произрастал священный дуб, который вещал голосом другого бога – Зевса. Прибыв сюда, Менекей уже не испытывает страха, он будет спасен от смерти, от кровожадного Аполлона, который вырвал его из семьи и отправил в последнее путешествие. Он будет спасен богом Зевсом, который неизменно будет сопровождать и оберегать героя в его путешествии. Именно Додона даст герою успокоение и завершит странствования героя. По большому счету Додона, изображенная в благоприятном свете, выступает в качестве альтернативы Дельфам.

Исследователи, рассматривающие додонскую мифологию, по непонятным для нас причинам игнорируют сюжеты, нашедшие отражение в произведениях римских авторов, в частности, в поэме Вергилия «Энеида». В третьей книге поэмы рассказывается о том, что Эней со своими спутниками достигают находящейся на побережье Эпира Хаонии, где они заходят в гавань города Буфрота. Здесь Эней с группой спутников отпра-

вился вглубь материка к Додоне, чтобы узнать волю оракула. По пути Эней встречается с группой троянцев во главе с Геленом, после чего они вместе возвращаются обратно к Буфроту. Здесь по просьбе Энея Гелен передает ему пророчество Аполлона о своих будущих действиях. Как справедливо отметил В. Гваткин, отправка Энея в Додону по логике вещей должна была предположить его консультацию с богом Зевсом, а никак не с Аполлоном. Однако Вергилий, у которого, видимо, в его время уже практически не имелось никаких сведений о Додоне, прибегает к такой литературной уловке: он переносит встречу Энея с Геленом из Додоны в Буфрот, превращая Гелена в жреца Аполлона [4, p.101]. У Вергилия мы находим ещё один примечательный пассаж: накануне отплытия их Буфрота Гелен преподносит землякам различные подарки, самыми примечательными из них можно считать додонские котлы, которые активно использовались в святилище, хотя смысл их использования так до конца и не установлен (Verg. Aen. XIV). Этот пассаж в какой-то степени фиксирует связь влияния Додоны с дальнейшими успехами троянцев.

Таким образом, мы явственно наблюдаем такое явление, когда количество мифологических сюжетов и содержащийся в них объем материала намного превосходит тот материал, который по своей сути, является историческим и в своей достоверности не вызывает никаких сомнений.

Додонская, а в более широком смысле эпирская мифология имела свою характерную особенность. С одной стороны, местное население, молоссы, были народом, жившим на границе греческого мира, их нравы сильно отличались от афинян, и греческий язык, на котором они говорили, был одним из его диалектов. С другой, они не были абсолютно «другими», поскольку не были настоящими варварами, как, например, те же персы. Кроме того, их генеалогия восходит к легендарным греческим героям - Ахиллу и Неоптолему, а их религиозный центр, оракул Додоны, являлся поистине общегреческим святилищем. Эллинское происхождение царского дома Эакидов опиралось на героическую генеалогия, служа доказательством общности крови и родства с греческим миром, и, следовательно, «доказательством» их греческого происхождения. Но принципиально важно отметить, что эта героическая генеалогия, не была создана молосским царствующим домом, который всего лишь приспособил её под себя в V в. до н.э., а она существовала задолго до этого, по крайней мере, с VIII в. до н.э.

Список литературы

1. Андреев Ю.В. Поэзия мифа и проза истории. Л.: Лениздат, 1990. 223 с.
2. Curnow T. The Oracles of the Ancient World. London: Bristol Classical Press. 2004. 256 p.
3. Dakaris S. Dodona. Athen: Archaeological Receipts Fund, 1996. 46 p.
4. Gwatkin W. E. Dodona, Odysseus, and Aeneas // The Classical Journal, Vol. 57. No. 3 (Dec., 1961). P. 97–102.

5. Kittelä S-I. Dodona and Neoptolemus: Heroic Genealogies and Claims of Ethnicity // Studies in Ancient Oracles and Divination / ed. by M. Kajava. Roma, 2013. P. 29–47
6. Kleitsas X. N. The Early Dodona (1500-800 B.C.). The Bronze Artefacts. Ioannina: Ephorate of Antiquities of Ioannina, 2021. 178 p.
7. Raschet G. L`sanctuaire de Dodone origine et moyens de divination // Bulletin de `Assosiation Guillaume Bude.1962, P. 86–99.
8. Rigoglioso M. The Cult in Divine Birth in Ancient Greece. N.Y., Palgrave and Macmillian, 2009. 292 p.

References

1. Andreev J. V. Poesiya mifa I proza istorii (The poetry of myth and the prose of history). Leningrad: Lenizdat, 1990. 223 p. (in Russian).
2. Curnow T. The Oracles of the Ancient World. London: Bristol Classical Press. 2004. 256 p.
3. Dakaris S. Dodona. Athen: Archaeological Receipts Fund, 1996. 46 p.
4. Gwatkin W. E. Dodona, Odysseus, and Aeneas // The Classical Journal, Vol. 57. No. 3 (Dec., 1961). P. 97-102.
5. Kittelä S-I. Dodona and Neoptolemus: Heroic Genealogies and Claims of Ethnicity // Studies in Ancient Oracles and Divination / ed. by M. Kajava. Roma, 2013. P.29-47.
6. Kleitsas X. N. The Early Dodona (1500-800 B.C.). The Bronze Artefacts. Ioannina: Ephorate of Antiquities of Ioannina, 2021. 178 p.
7. Raschet G. L`sanctuaire de Dodone origine et moyens de divination // Bulletin de `Assosiation Guillaume Bude.1962, P. 86–99.
8. Rigoglioso M. The Cult in Divine Birth in Ancient Greece. N.Y., Palgrave and Macmillian, 2009. 292 p.

Сведения об авторе

Казаров Саркис Суменович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории Древнего мира Южного федерального университета / ser-kazarov@yandex.ru
Адрес: д. 105/42, ул. Б. Садовая, 344006, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Information about the author

Kazarov Sarkis S. – Doctor of History, Professor, Chair of Archaeology and Ancient History of Institute of History and International Relations, Southern Federal University / ser-kazarov@yandex.ru
The address: 105/42, st. B. Sadovaya, 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation.